

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Г20 **Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.**
Шантаж от Версаче : [роман]/ Татьяна Гар-
маш-Роффе. — Москва : Эксмо, 2019. —
352 с. — (Искусство детектива. Романы Т. Гар-
маш-Роффе).

ISBN 978-5-04-103842-7

Что делать, если ты хороша собой, но слишком застенчи-
ва? А тут еще на банкете познакомишься с частным детективом,
французом Реми Деллье, и понимаешь, что он — твоя судьба.
И тогда сестра Александра, модная журналистка, придумыва-
ет всю эту историю с убийством стареющего развратника и
шантажиста, где ты — главный фигурант. И теперь пусть
только попробует галантный француз отказать тебе, несчаст-
ной, в помощи. Но самое невероятное, что убийство действи-
тельно случилось и исчезло тело. А ты становишься главной
подозреваемой. И чтобы вытащить тебя, Реми и русский сы-
щик Алексей Кисанов готовы пойти на все...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103842-7

© Гармаш-Роффе Т.В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все лица и события в этой книге являются вымыслом, любые совпадения могут оказаться только случайными.

Глава 1

Телефонный звонок оторвал Ксюшу от уютного созерцания старой кинокомедии по телевизору — под горячий чаек с воздушным печеньем, под веселый обмен репликами и комментариями с родителями. Она любила такие мгновенья радостной беззаботности и семейного единства, напоминавшие ей детство... Совсем недавнее, впрочем.

Неохотно покинув большую комнату, Ксюша сняла трубку в прихожей.

— У тебя завтра занятия заканчиваются в котором часу? — без лишних сантиментов поинтересовалась трубка.

— Последняя пара в два. А что?

— Отлично. Будь к четырем возле Дома кино.

— Зачем это? — нехотя протянула Ксюша. — Опять коктейль?

— Ксения, — строго сказала Александра, — помрешь старой девой!

— Ну, Саш, мне надоело... — попробовала поспорить Ксюша, не надеясь, впрочем, на успех.

— К четырем, слышишь!

Гудки отбоя были категоричны, как голос Александры.

...На девятнадцатом году жизни у Ксюши случился полугодовой, неудачный и единственный роман с однокурсником.

На двадцать втором году Ксюша все еще была одинокой девицей на выданье, и ее старшая сестра, Александра, стала проявлять нешуточное беспокойство.

Ксения попыталась отвязаться от назойливой опеки сестрицы: «Мужчины меня не интересуют. Я, наверное, фригидна».

Ох, как Сашка взвилась! Она накричала на Ксюшу, велела выбросить глупости из головы и пообещала лично заняться подбором приличной кандидатуры, «а не каких-то там сопливых студентов, которые ничего толком не умеют и только отравляют юным девицам само представление о любви и о сексе!».

И Александра занялась. Она брала Ксюшу на все презентации, пресс-конференции, приемы и тусовки, которые посещала вне зависимости от того, собиралась писать статью или нет. Модная журналистка, Александра считала необходимым держать руку на пульсе светско-политической жизни, а модные тусовки считали необходимым украсить ряды приглашенных модной журналисткой — так, к обоюдной выгоде, происходил симбиоз Александры со столичной жизнью.

Нельзя сказать, чтобы Ксюша ощущала себя в своей стихии, таскаясь за Александрой по приемам. В отличие от старшей сестры она терялась, смущалась, была напряженной, фальшиво смеялась и постоянно краснела, когда к ней обращались, всякий раз испытывая острое желание сбежать. Но Александра твердила со смехом: ничего, мы из тебя сделаем цивилизованного человека! Главное, присмотри кого-нибудь, кого можно назвать мужчиной!

Ксюша огрызалась: а сама-то присмотрела? Ты отчего это до сих пор одна — от избытка настоящих мужчин?

— А ты где собираешься их искать, в университетской библиотеке? — парировала Александра. — Одного придурка уже нашла, мало показалось?

И в тот понедельник, который позже Ксюша окрестила роковым, она, уже давно перестав сопротивляться, послушно потащила за старшей сестрой-журналисткой на международный симпозиум частных детективов...

...Реми Деллье приехал в Москву на симпозиум, организованный русским МВД, мэрией Москвы и крупной компьютерной компанией-спонсором. Изучив программу, Реми за гладкими официальными строчками без труда увидел его истинные задачи: российские правоохранительные органы надеялись поднять при помощи более опытных зарубежных собратьев правосознание русских частных сыщиков и приручить их к себе; московская мэрия питала надежды на то, что

удастся навести хоть немного порядка в том бардаке, который представляла собой на данный исторический момент русская столица; компьютерный спонсор рассчитывал приучить русских Шерлоков Холмсов пользоваться компьютерами и в особенности покупать их у фирмы-спонсора — и все вместе они устроили международную тусовку для детективов всех мастей и стран, которым предстояло нежно брататься друг с другом и с русской милицией в течение пяти дней.

Открытие симпозиума, происходившее в Доме кино, где устроители арендовали зал с фойе, было торжественным, претенциозным и скучным. Приветственные речи, блестящие в свете телевизионных юпитеров лысины, мятые, хоть и дорогие костюмы, нелепо сидящие на упитанных телах московских чиновников, — все вызывало у Реми зевоту, и он с сомнением качал головой, спрашивая себя, не сглупил ли он, приехав сюда.

На коктейле народу оказалось примерно вдвое больше, чем участников симпозиума. Откуда взялся народ, Реми так и не понял. Похоже, прибился на съестные запахи. «Говорят, в Москве голод... — подумал Реми, — можно людей понять...»

Впрочем, те, кто попадал в его поле зрения, на голодных похожи не были.

Между разномастными международными детективами заблистали то там, то сям женские наряды, заструился женский смех. Реми женщин любил. Тем не менее, дожив до тридцати одного года, все еще был холостяком. Сменив двух близких подружек (не считая неблизких), он на данный момент пребывал в состоянии вполне удовлетворительного одиночества, жениться не желал и даже новую подружку заводить не хотел — устал от семейных сцен и пристально-придиричливого интереса к его заработкам. Так что если Реми и любил женщин, то примерно так, как некоторые любят кошек: вообще да, но иметь их дома — нет. Поэтому при знакомствах он стал последнее время осторожен: чуть зазеваешься, так и с новой сожительницей окажешься.

Тем не менее он стал оглядываться с интересом. Вокруг него было, по крайней мере, что-то новенькое: вокруг него были *русские* женщины. Он был о них наслышан — то знакомые, то пресса подкинет сюжетик, и притом в самых разных тональностях. Одни утверждали — красятся и одеваются, как проститутки, да и ведут себя так же. Другие рассказывали,

что азиатские устои у них в крови и русская женщина по сути — мусульманка, которая покорна мужу и не имеет права голоса в семье; третьи пускали слюни от потрясающих русских манекенщиц; четвертые на русских женились... Последние ничего не рассказывали (ну кто же это вам во Франции расскажет о личной жизни!) — но их выдавали глаза: еще недавно потухшие, они вдруг начинали светиться новой жизнью... Впрочем, тоже не у всех. Некоторые начинали пить.

Реми не верил ни тем ни другим — он верил себе. И поскольку любопытства (мм-м, скажем, исследовательской страсти) ему не занимать, он решил воспользоваться моментом и составить собственное мнение о предмете.

Предмет был представлен широко. От толстых теток в чем-то блестящем, сверкавших яркими тенями на глазах и яркими тканями на чересчур круглых боках, — до голенастых стройных малолеток, сверкавших ягодицами и любопытными глазками, чрезмерно подведенными. Первое Реми не интересовало. Второе, пожалуй, тоже — возраст, мои милые, возраст. Мы уже вышли из возраста, когда... И еще не вошли в его другую стадию, когда...

Так что ни первое, ни второе. Реми с высоты своего роста окинул взглядом фойе, в котором происходила кормежка де-активного, а также прибудного народа, в поисках третьего. И третье не замедлило попасть в поле его зрения.

Нет, в ней не было ничего броского и вызывающего, тонкое лицо было серьезно, хотя едва заметная усмешка бродила в уголках полных, чуть тронутых помадой губ. В костюме светло-серой тонкой шерсти, в узкой длинной (до середины икр) юбке, обнимавшей стройные ноги, она ничем не сверкала, кроме рубина на пальце, который вспыхивал темно и кроваво каждый раз, когда его обладательница вскидывала на прицел небольшой микрофон ко рту собеседника, как только последний этот рот открывал. Вместе с микрофоном вскидывались на прицел темные глаза, и представители самой мужественной профессии, до сих пор провожавшие взглядами-фотовспышками каждую короткую юбочку, вдруг замороженно столбенели, наткнувшись на темные, с золотой искрой глаза журналистки. Реми решил подобраться поближе к этому чуду — в конце концов, почему бы ему тоже не дать интервью? — как по дороге наткнулся на еще одно удивительное создание.

Сначала была спина в светло-голубом. Просто спина, узкая, женская. А по спине струилась коса. Шелковистая каштановая коса до поясницы. Кажется, последний раз такие косы он видел в каком-то кино. И то в детстве.

Потом был полупрофиль нежной щеки (совсем девчонка!); он слегка прикоснулся, прося разрешения пройти (теплые плечи!), и обрел лицо. Лицо на него глянуло так, словно оно его узнало: радостно взмахнуло ресницами и порозовело. Этакое свежее яблочко... Актриса, должно быть, — начинающая, на ролях сусальных ангелочков. Тут народ какой-то натек на буфет детективов, а кто может натечь в Доме кино, как не его постоянные киношные обитатели?

Французскому детективу было невдомек, что народ в России может натечь откуда и куда угодно, если там тусовка.

— Бонжур, — сказал Реми, — вы не знаете, кто здесь отвечает за организацию? Я не вижу здесь одного своего русского друга и хотел бы о нем расспросить... — и вдруг спохватился, что говорит по-французски. Мир нынче говорит все больше на английском, что Реми несколько удручало как патриота: то ли дело в старые добрые времена, когда высшим шиком считалось... Впрочем, приходилось мириться с реальностью, и Реми переспросил на вполне приличном английском: добрый вечер, организация, русский друг...

— Я говорю по-французски... — заявило существо и распахнуло глаза. Реми тоже распахнул: в придачу к сказочной косе у этого существа водились неправдоподобные, почти круглые, теплые карие глаза.

— О, какая удача! — запел Реми. — Это необыкновенное везение! У вас потрясающее произношение! — Он врал: девушка говорила с акцентом. — А вы здесь тоже участвуете в симпозиуме?

В вопросе была легкая ирония — он был абсолютно уверен, что нет. Кареглазка не замедлила смутиться:

— Нет... Я просто пришла... И я не знаю, кто отвечает за организацию. Ничем не могу вам помочь, к сожалению.

— Вы актриса?

На этот-то вопрос Реми предполагал утвердительный ответ. Но она смутилась еще больше: «Н-нет...» — и покраснела еще больше.

Ресницы упали, лицо отвернулось, предоставив ему снова нежный овал розовой щеки, и Реми вдруг разозлился. Какого

хрена он пристаёт к какой-то писюхе? Чего ему от нее надо? Чего ему вообще надо от женщин? Ничего! Ни-че-го! Он взял от них бессрочный отпуск.

Он суховаато извинился и протиснулся дальше. Журналистки уже не было на прежнем месте. Он и ее не стал искать: чего ему надо от нее? Ни-че-го!

Симпозиум проходил в конференц-зале гостиницы «Космос», буфет был поскромнее, чем накануне, в день открытия, и, главное, уже не дармовой, и незваные гости больше не смущали рабочее настроение детективов. Сегодняшняя конференция заканчивалась в четыре, после нее в программе был какой-то музей, и Реми, выйдя из зала, решал дилемму «ехать — не ехать». Любителем музеев он не был, если не брать в счет музей криминалистики, но, с другой стороны, чем ему еще заняться в незнакомом городе, где люди говорят на незнакомом языке? Алексей, его русский друг, оказался болен ангиной — Реми навестил его вчера. Алексей звал к себе и сегодня, но... Неудобно беспокоить человека два дня подряд. К тому же больного, к тому же занятого... Так что, похоже, придется ехать в музей.

Вот тут-то он и увидел ее.

Он не сразу понял, где он видел эти круглые, теплые, карие глаза. Да и косы на этот раз не было: волна каштановых волос, с легкой рыжинкой в выгоревших за лето прядях, выплескиваясь из-под белого берета, свободно бежала по спине, цепляясь лишь по краям за белый ворс легкого пальто. Пальто было растегнуто; под ним виднелся бежевый костюм, напомнивший ему чем-то Журналистку: тонкой шерсти, с узкой длинной юбкой, обнимавшей стройные ноги... В этой одежде кареглазка выглядела немного старше, чем показалась ему на открытии, — Реми поднял планку до двадцати — двадцати двух лет.

Он не знал, двинуться ли навстречу длинноволоске или притаиться, последить: чего это она тут делает, в гостинице, к кому пришла? Но карие глаза настигли его, распахнулись, рванулись к нему, и вслед за ними рванулась их обладательница.

Реми приготовил для нее лучшую из своих улыбок.

Долетев до Реми, девушка остановилась перед ним как

вкопанная. Он только сейчас заметил, что ее верхняя губа слегка вздернута кверху, приоткрывая ровные зубки и придавая ее лицу выражение детской непосредственности.

Несколько мгновений она смотрела на него своими глазами. Реми уж было озадачился: влюбилась, что ли? — и начал подыскивать фразу, которая могла бы вывести их из неловкого молчания, как она выговорила по-французски помертвевшими вдруг губами: «Помогите мне...»

Реми давно не столбенел в своей жизни — ни от страха, ни от избытка впечатлений, — но тут пришлось вспомнить, как это делается. Наверное, роль столба ему удалась на славу, поскольку девушка, не видя никакой реакции с его стороны, в совершенном отчаянии схватилась за его свитер и горячо заговорила:

— Мне больше не у кого попросить помощи! Любой русский детектив будет обязан сообщить в милицию! А вы здесь чужой, вы — иностранец, и вы — не обязаны! Только вы можете мне помочь... Прощу вас!..

Все это было до такой степени неожиданно, что Реми не нашелся что ответить и уставился на нее изумленно, ожидая продолжения. Но продолжения не было. Девушка смотрела ему куда-то в грудь, кусая нежные губы. Ее рука в бежевой перчатке, до сих пор цеплявшаяся за его свитер, вдруг обмякла, разжалась, упала. Молчание затягивалось. Реми понял, что надо срочно выходить из столбняка.

— Что же у вас случилось? — проговорил он тихо и ласково, как разговаривают старые добрые доктора.

Но он, должно быть, передержал паузу, и кареглазка успела за эти мгновения прожить какие-то неведомые ему сомнения, поскольку она вдруг откинула голову назад, посмотрела на него в упор и заявила:

— Ничего.

Круто повернувшись, она направилась к выходу.

Реми колебался. Будь он причастен к научным, политическим, военным секретам — он бы сразу заподозрил неладное. В этом маленьком спектакле мог быть спрятан тайный интерес. Но какой тайный интерес можно иметь к частному детективу? Он быстро перебрал все возможные мотивы, отверг их все разом и заключил, что у девушки действительно что-то

случилось серьезное, раз она — явно застенчивая! — решилась обратиться к незнакомому человеку за помощью.

Реми догнал ее в два прыжка и взял под локоть.

— Это не дело, девушка. Объясните, что у вас стряслось! Иначе как я могу вам помочь?

— Я зря пришла... — Она остановилась и повернулась к нему, и Реми увидел на ее глазах слезы. — Вы не сможете мне помочь. И никто не сможет...

И она снова направилась к выходу.

Еще один прыжок:

— Погодите!

Не остановилась.

Еще прыжок:

— Стойте, я вам говорю!

Поймал в дверях:

— Не знаю, в моих ли будет силах сделать что-нибудь для вас, но дайте мне хотя бы попытаться!

— Вы не станете мне помогать.

— Вы так уверены?

Горькая усмешка в ответ. Но, слава богу, осталась стоять на месте.

— Что у вас стряслось? — требовательно произнес Реми.

— Хорошо, — решилась Кареглазка. — Раз вы так настаиваете...

(Как это у нее получилось, что *настаивает* — Реми?)

Длинноволоска несколько мгновений поизучала свитер Реми. Наконец подняла свои огромные карие глаза и посмотрела в упор:

— У меня вот что стряслось...

Шумно и судорожно перевела дыхание.

— Я убила человека.

Реми не стал грешить повторами и исполнять во второй раз роль столба, даже если эта роль получалась у него отлично. Он просто сказал ей «подождите меня» и поднялся в номер, чтобы взять куртку, боясь, что она за это время уйдет.

И одновременно желая этого, предчувствуя, что он втягивается в историю, да еще в чужой стране...

Но она его ждала.

Где можно поговорить, если у вас нет ни своего личного кабинета, ни даже своей квартиры? Гостиничный номер — двусмысленно... Конечно, в баре! Ну, а если нужно поговорить так, чтобы никто не понял ваших слов? Конечно, в том баре, где меньше всего шансов встретить соотечественников! Учитывая, что предстоящий разговор предполагался на французском, Реми предпочел свалить из гостиницы, битком набитой всевозможными иностранцами, включая франкоговорящих.

Всю дорогу он сомневался в том, что принял правильное решение. Хм, «я убила человека». А он-то тут при чем? Он, ровно наоборот, как раз из тех, кто ищет убийц, а не помогает им!

— Вы вчера были на открытии нашего симпозиума, я с вами говорил, помните? Я еще спросил...

— Помню, «кто отвечает за организацию...».

— Что вы там делали? Вы не похожи на частного детектива...

— Я журналистка.

Ба, еще одна!

— Вернее, студентка...

— Вы приходили брать интервью?

— Нет... Я просто... Мне надо привыкать к атмосфере шумных собраний... Потому что я... Я всегда теряюсь, когда так много людей вокруг...

Понятно. Это, правда, никак не отвечает на вопрос, при чем тут он, Реми. И почему она выбрала именно его из всех собравшихся на симпозиум разнонациональных детективов. С другой стороны, когда именно на нас обращают внимание, мы ведь принимаем это как должное, правда? Мы ведь самые лучшие, разве не так? Стоит только разглядеть наши достоинства? Они ведь имеются в неограниченном количестве, даже если и глубоко спрятанные? Но когда нас выбирают, мы верим, что кому-то удалось их разглядеть? — иронизировал Реми. И, польщенные вниманием к нашей драгоценной особе, уже тащимся с этой кареглазой незнакомой девицей, чтобы выслушивать ее исповеди...

А точнее говоря, Реми отдавал себе отчет, что уже почти ангажировался ей помогать... «раз он так настаивает...». Но фокус в том, что она успела еще произнести другие слова: «Помогите...» А еще больший фокус заключается в том, что

«*только вы можете помочь!..*». И как же было отказаться хотя бы ее выслушать? Средневзятый француз — существо отзывчивое, а уж если просьба о помощи сопровождается прелестным взглядом прелестных глаз — то средневзятое мужское французское существо начинает бежать впереди паровоза, предлагая свои услуги.

Кафе в тихом переулке выбрала Ксения — так представилась ему девушка. Впрочем, добавила она, вы можете называть меня Ксюша, меня все так зовут. Реми, пытаюсь создать непринужденный тон, восхитился: как это нежно — Ксю-ю-ша! К тому же «ша»¹ — это ей ведь известно, она здорово говорит по-французски! — означает «кошка», и вместе получается так ласково и пушисто: Ксю-ю-ша, и так идет к ее круглым карим глазам!

Ксюша не имела представления, как выглядят знакомые кошки Реми, но лично она никогда не встречала кареглазых кошек. Тем не менее ей было приятно, и она даже слегка порозовела и улыбнулась, слушая эту птичью французскую трель — «Ксююша».

В малолюдном кафе они выбрали столик, покрытый красной клетчатой скатертью, у окна. Это, собственно, была чайная, и разнообразная домашняя выпечка занимала всю витрину. Реми взял две чашки чая и соблазнился куском воздушного торта, который русские называют французским неприличным словом «безе»². Ксюша от сладкого отказалась и тревожно ожидала, пока он устроится за столом.

— Рассказывайте, — обжегшись первым глотком чая, сказал Реми.

История выглядела одновременно банально и ужасно. Ксюша задумала отселиться от родителей и снять квартиру. Звонила по телефонам, приходила смотреть жилье. Вот и вчера, ближе к вечеру, она поехала осматривать квартиру, которая, по ее представлениям, должна была ей подойти во всех отношениях. Ее встретил мужчина лет пятидесяти, показал

¹ Chat — кошка (*фр.*).

² Название пирожного идет от французского слова *baiser*, означающего «поцелуй», одновременно созвучного широко употребляемому слову «трахать» на арго.

жилье, предложил чашечку кофе, за которой они и должны были обсудить детали — квартира Ксюше очень приглянулась. За кофе последовал ликер, потом он стал гладить ее коленку... Ксюша несколько раз вежливо снимала с себя его руку и уже решила покинуть чересчур гостеприимного хозяина, с которым она к тому же уже обо всем договорилась, как хозяин вдруг перегородил ей дорогу...

...Пока Ксюша отбивалась, он ей рассказывал, какой он богатый и как засыплет ее своими щедротами, если она не будет упрямиться.

Пока он пытался сорвать с Ксюши одежду, он угрожал и запугивал, рисуя перед Ксюшей страшные картины ожидающей ее кары за несговорчивость. Он-де могущественный мафиози, и дружки у него водятся не менее всесильные. И вот тогда...

И вот тогда Ксюша схватила какую-то вазу и шарахнула этого мужика по голове. И мужик упал.

Ксюша долго не могла поверить, что он умер...

Когда наконец поверила — то сбежала без оглядки. И только теперь понимает, что там остались ее отпечатки, все ее следы... А если ее найдут... (слезы на глазах), она никогда не докажет, что это была правомерная защита, потому что в этой стране нет законов — все управляется деньгами и мафией (слезы по щекам). И тогда, если ее не погубит русская милиция и русская тюрьма, ее погубит русская мафия, к которой, несомненно, принадлежал хозяин квартиры... (хлюпанье носом и платочек из сумочки).

Поставив точку, Ксюша стала выводить ноготком квадратик на скатерти. Ясно, что поле действий теперь было предоставлено Реми. Но он никак не мог понять, чего от него хочет Кареглазка. История была вполне тривиальна, необычно в ней было только одно: что убийца, хоть и невольный, приходит за помощью к частному детективу. Ксюша была права в своих расчетах: случись это во Франции — он был бы обязан сообщить в полицию, обратись она к русскому детективу — вышло бы то же самое. Закон есть закон! Именно по этой причине с Реми никогда не случалось подобных историй. И именно поэтому он никак не мог понять, чем он в состоянии помочь Кареглазке.

— И что вы хотите? — попробовал угадать Реми. — Чтобы я вас увез во Францию и спрятал там?